

Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох : сб. ст. / ред.: К. Бруиш, Н. Катцер. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 208 с.

Уходящий в историю 2014 г. отмечен знаковыми событиями, сопряженными с проявлениями вызовов нашей стране и миру, глубина и сложность которых непременно будут осмыслены. Думается, что обращение научной общественности к анализу комплекса факторов, связанных с причинами, вызвавшими Первую мировую войну и, как следствие, – трансформацию государственных структур, перемены в массовом сознании на фоне усугубления экономического положения в различных странах, правомерно и имеет принципиальное значение в силу ряда обстоятельств. Для нашей страны восприятие Великой войны 1914–1918 гг. во многом было обусловлено воздействием нормативной идеологии советской эпохи, трактовавшей характер трагедии исключительно в стиле определения ее как «империалистической», что во многом предопределяло тональность оценок и замалчивание (или упрощение) событийной канвы процессов на фронтах и в тылу. Не следует недооценивать значимость важной проблемы – ответственности политиков за решения, способные ввергнуть мир в конфронтационные тупики, выход из которых рассматривался достаточно однозначно – как путь в направлении наращивания военных сил и готовность продемонстрировать свою правоту исключительно их применением. Наконец (и это не последнее обстоятельство), на фоне потрясений военного лихолетья заметна активность той части политических деятелей, которая стремилась удовлетворить свои амбиции, апеллируя к популистским лозунгам с целью захвата власти при отсутствии внятных и продуманных научно-программных установок. Указанные обстоятельства, на наш взгляд, достаточно очевидны. Проведенные в течение года научные конференции различного формата¹ свидетельствуют о сохранении в научном сообществе потребности в обмене мнениями по острым геополитическим вопросам прошлого и настоящего, выявлении новых архивных материалов и намерении их интерпретации с учетом состояния отечественной и зарубежной историографии Первой мировой войны. Тремя годами ранее Германским историческим институтом в Москве был проведен семинар, уча-

¹ Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» (Москва, 11 апреля 2014 г.); Международная научная конференция «Дворец и война. К 100-летию начала Первой мировой войны» (Государственный музей-заповедник «Петергоф», 28–29 апреля 2014 г.); Международная научная конференция «Малоизвестные страницы истории, уроки прошлого и призыв к будущему» (Баку, 23–24 мая 2014 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Война, экономика и государственное регулирование в 1914–1918 гг.» (Москва, 30 мая 2014 г.); Международная научная конференция «Великая война и Европейский Север» (Архангельск, 20–25 июня 2014 г.); Международный научный colloquium «Первая мировая война, 1914–1918 гг: причины и последствия» (Берлин, 2–6 июля 2014 г.); Международная научная конференция «Первая мировая война – пролог XX века» (Москва, 8–10 сентября 2014 г.); Международная научная конференция «Англо-русский союз 1907 года и Первая мировая война: политические, культурные, экономические аспекты» (Лондон, 22–23 сентября 2014 г.); Международная научно-практическая конференция «Первая мировая война в документах и книжных фондах. Проблемы изучения, описания и публикации» (Москва, 11 ноября 2014 г.) и др.

стники которого представили доклады, сгруппированные по своим названиям в три блока («Социальный порядок и военный опыт», «Публичная коммуникация и память о войне», «Насилие и местное управление»), ставшие основой содержания опубликованного сборника статей, подготовленного издательством «Новое литературное обозрение», привлекающего внимание своими масштабными программами, среди которых – «Historia Rossica».

Редакторы сборника, формулируя свой замысел, акцентируют внимание на необходимости изучения механизмов усвоения, истолкования и переработки военного опыта его современниками и внесения своего вклада в переосмысление общепринятой периодизации российской истории начала XX века (с. 10). Авторский коллектив книги включает представителей различных поколений историков России и Зарубежья: О. А. Будницкого (Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики») – «Происхождение еврейских погромов периода Гражданской войны в России»; К. Гилли (Гамбургский университет) – «Украинская атаманина: национализм и идеология в пространстве насилия после 1917 года»; Ф. Дэвис (Людвиг-Максимилианс-Университет в Мюнхене) – «Первая мировая война как испытание для империи: мусульмане на службе в царской армии в изобразительной культуре Первой мировой войны (1914–1918)»; Ю. А. Жердеву (Самарский государственный экономический университет) – «Визуализация бедствия в изобразительной культуре Первой мировой войны (1914–1918)»; А. Зумпфа (Страсбургский университет) – «Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России»; Б. И. Колоницкого (Санкт-Петербургский институт российской истории Российской академии наук) – «Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны»; О. С. Нагорной (Южно-Уральский институт управления и экономики) – «Плен Первой мировой войны в советской художественной литературе: конфликт и консенсус индивидуальных переживаний»; И. В. Нарского (Южно-Уральский государственный университет), П. Шлянту (Германский исторический институт в Варшаве) – «“Братья-славяне” или “азиатские орды”? Польское население и российская оккупация Галиции в 1914–1915 годах».

Какие же авторские наблюдения и выводы представляются заслуживающими внимания?

И. В. Нарский – автор фундаментальных исследований по различным аспектам российской истории – отмечает причины безудержного распространения насильственных практик, к которым относит отсутствие всеобщей объединяющей санкционирующей инстанции после краха старых государственных структур, деформацию или распад тех референтных групп, которые обеспечивали поддержание «нормальности» толкования и поведения (с. 201). Военизация различных сфер жизни впоследствии достигла апогея в период Гражданской войны и не исчезла, приобретая новые формы в условиях построения социализма, воздействуя на социальный контроль, массовое сознание и быт советского человека. Отражением вакханалии насилия и групповой воинственности как последствий Первой мировой войны и революционных катаклизмов стал расцвет атаманины на территории Украины. Как отмечает К. Гилли, насилие скрепляло отряды во главе с атаманами, являясь той основой, которая выстраивала авторитет вожаков, определив статус отдельных лиц в иерархии отрядов (с. 161). Важно подчеркнуть, что возраст и боевой

опыт (последнее обстоятельство является по-прежнему дискуссионным) атаманов на Украине позволяли им достигать успехов, собирая достаточно большие военизированные формирования. Небезынтересно отметить и феномен атаманы в контексте украинского национализма. Обращение к историческому прошлому не без его мифологизации (наиболее ярким является спонтанное обращение к традициям Запорожской Сечи) можно считать вполне естественным в условиях поиска национальной идентичности. Впрочем, отношение к провозглашению независимого украинского государства было далеко не единодушным как среди атаманов, так и у националистически настроенной интеллигенции, часть которой стала отстаивать эти ценности лишь в конце 1917 г. в связи с усилением конфликтов в обществе после Октябрьской революции (с. 177).

В своих размышлениях о причинах еврейских погромов в условиях Гражданской войны О. В. Будницкий акцентирует внимание на социально-экономических противоречиях евреев с местным населением, использовании антисемитизма в качестве козырной карты в антибольшевистской пропаганде, уверенности многих противников большевизма в том, что большевизм – порождение еврейства (с. 157–158). Автор указывает и на то, что необходимо усматривать прямую связь погромов 1918–1920 гг., унесших жизни от 50–60 до 200 тыс. евреев, с насилием, захлестнувшим страну после августа 1914 г. Вместе с тем уместно подчеркнуть, что для политики власти в «еврейском вопросе» в период Первой мировой войны характерна и помощь беженцам-евреям, оказавшимся вдали от своей родины [1, 2]. Но надо признать при этом существование сложностей в изучении данной проблемы [3, 4], преодоление которых требует кропотливого и системного изучения источников и избегание политизации и эмоций. Последнее обстоятельство значимо при ознакомлении со статьей, посвященной «российской оккупации Галиции» (с. 21–40). Осуждая практику административного управления на территориях Австро-Венгрии, П. Шлянта отмечает дефекты деятельности властей: коррупция, непрофессионализм, насилие, издержки военного положения (с. 39). При этом, признавая достаточно широкий диапазон настроений в отношениях поляков к русским, П. Шлянта разъясняет причины отказа откровенного выражения симпатий пророссийски настроенных подданных из местных поляков к имперским властям – их немногочисленность, опасение навлечь на себя репрессии австрийцев в условиях нестабильности на фронте. Упомянув о болезненных аспектах во взаимоотношениях между поляками и русскими, связанных с исторической памятью о подавлении польских восстаний, о религиозном факторе, автор опускает проблему участия польских легионеров на стороне Австро-Венгрии, что не могло способствовать укреплению доверия на территории Галиции. Между тем мотивы этого участия могли быть раскрыты с большей основательностью при наличии многочисленных исследований польских историков [5, 6].

Ф. Дэвис обратилась к весьма важному аспекту, связанному с положением мусульман на службе в русской армии. При этом автор стремится сопоставить отношение имперских властей к евреям и мусульманам. По ее мнению, солдат-мусульман не особенно подозревали в нелояльности (напомним, что одной из сторон военного конфликта была Османская империя). Симптоматично, что участие солдат-мусульман в боевых действиях станови-

лось аргументом той части депутатского корпуса, которая стремилась отстаивать интересы подданных мусульманского вероисповедания (с. 56). Очевидно, следовало упомянуть причины отказа от мобилизации в армию во многих районах империи, где проживали мусульмане.

Оригинальность статьи А. Зумпфа – в стремлении исследовать процесс реконфигурации понятия «инвалидность» с учетом опыта проведения медицинских экспертиз. Данная проблема значима с точки зрения осмысления гуманности по отношению к увечным со стороны официальных властей и позволяет обратиться к малоисследованному аспекту социальной политики не только в имперской, но и в советской России. Автор приводит данные, согласно которым инвалиды Гражданской войны получали пенсии в размере 250 руб. – на 82 руб. больше, чем участники Первой мировой войны (при 100 %-й инвалидности) (с. 77). Подобный «классовый» подход отражал отношение советской власти к своим гражданам, не шадивших здоровье ради своего Отечества.

Распространение фотографий, кинематографические сеансы становились важным каналом воздействия на массовое сознание жителей страны. Запечатлевшие ужасы военного лихолетья снимки, бесспорно, не могли не поражать современников. Ю. А. Жердева отмечает неравномерность пропагандистской деятельности в войсках. Достаточно сложно оценить степень влияния восприятия жестокостей на душевное состояние офицеров и солдат русской армии [7, 8].

Достаточно далеки от идеализации были представления об облике сестер милосердия, как отмечено Б. И. Колоницким – автором известных исследований, в которых рассмотрены различные аспекты влияния реалий революций на массовое сознание. Платье сестры милосердия для части современников было также знаком измены и разврата – подобный достаточно неожиданный вывод был основан на вдумчивом изучении документов. Представляется, что в условиях нарастания озлобления войной менялось и восприятие женщины, оказывавшейся в среде, где насилие и жестокость становились частью повседневности. Таким образом, сестра милосердия становилась воплощением менявшихся общественных настроений (с. 118).

Еще один сюжет, рассмотренный О. С. Нагорной, претендует на особое внимание. Тематика плена в русской и советской литературе оставалась малоизученной, что суживает представление о том, как воспринимались условия содержания солдат и офицеров в лагерях военнопленных и каково было отношение администрации к противнику, в чем заключались особенности поведенческих практик солдат и офицеров.

Изданный сборник статей – свидетельство сохраняющего плодотворного научного поиска российских и зарубежных историков по проблеме, которая гораздо шире хронологических рамок Великой войны. Речь идет о том, правомочно ли считать революции и Гражданскую войну вехами «особого пути» нашей страны или же они были крайним выражением той ситуации, с которой столкнулись и другие страны-участницы мирового конфликта (с. 17). Ответ на данный вопрос далеко не однозначен и не может быть категоричен.

В. Ю. Карнишин

Список литературы

1. **Златина, М. А.** Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны: по материалам прессы (июль-октябрь 1914 г.) / М. А. Златина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – № 3. – С. 30–35.
2. **Белова, И. Б.** Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания / И. Б. Белова // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. – 2013. – № 12. – С. 51–62.
3. **Ганелин, Р. Ш.** Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов / Р. Ш. Ганелин // Вестник Еврейского университета в Москве. – 1995. – № 3 (10). – С. 4–37.
4. **Пивоварчик, С. А.** Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» / С. А. Пивоварчик // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / под ред. О. В. Будницкого. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 71–83.
5. **Milewska, W.** Legiony Polskie 1914–1918 / W. Milewska, Y. T. Nowak, M. Zientara. – Krakow, 1998.
6. **Bitner, N.** Zolnierze legionow Polskich. 1914–1917 / N. Bitner, R. Bratkowsky. – Plock, 2012.
7. **Фомин, В. А.** Морально-психологическое состояние войск русской армии в годы Первой мировой войны / В. А. Фомин // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 12. – С. 46–54.
8. **Сенявская, Е. С.** Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999.

References

1. Zlatina M. A. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Proceedings of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen]. 2009, no. 3, pp. 30–35.
2. Belova I. B. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta* [Bulletin of Baltic Federal University named after I. Kant]. 2013, no. 12, pp. 51–62.
3. Ganelin R. Sh. *Vestnik Evreyskogo universiteta v Moskve* [Bulletin of Jewish University in Moscow]. 1995, no. 3 (10), pp. 4–37.
4. Pivovarchik S. A. *Mirovoy krizis 1914–1920 godov i sud'ba vostochnoevropeyskogo evreystva* [World crisis of 1914–1920 and fate of the east-european Jewry]. Moscow: ROSSPEN, 2005, pp. 71–83.
5. Milewska W., Nowak Y. T., Zientara M. *Legiony Polskie 1914–1918* [Polish army 1914–1918]. Krakow, 1998.
6. Bitner N., Bratkowsky R. *Zolnierze legionow Polskich. 1914–1917* [Soldiers of the Polish army. 1914–1917]. Plock, 2012.
7. Fomin V. A. *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [Military-historical journal]. 2011, no. 12, pp. 46–54.
8. Senyavskaya E. S. *Psikhologiya voyny v KhKh veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in XX century: historical experience of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 1999.

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Отечества,
государства и права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valeriy Yur'evich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history
of Russia, state and law, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)